

С. Огольцов

Напропалуйное гнутьё,

или
Апофеоз
эклектик-
абсурда

Здесь был Вася

Здесь был Вася

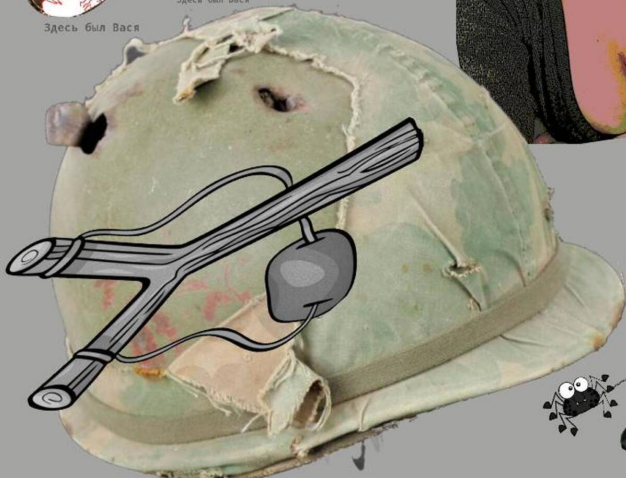
Здесь был Вася

Здесь был Вася

Здесь был Вася

Сергей Николаевич Огольцов

Напропалуйное гнутьё

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72819647

SelfPub; 2025

Аннотация

Абсурд родился от Латыни, что и ежу понятно. А вот вопрос отцовства остаётся открытым. Дед его по материнской линии, Логос Максимыч, когда дочка родила, назвал её вульгарным словом и, в состоянии аффекта, развалил свою голубятню. Стая, которую он там держал, снялась и эмигрировала, но куда именно – модератор Литрес не даёт обнародовать, поскольку в аннотации даже завуалированно низзя. Проводить анализ ДНК уже поздно и не с кого. Гипотетически, искомый голубчик оперенье имел с рыжинкой и любитель был настобоны гнуть, как на холодную, так и на горячую. Короче, напропалую...

Содержание

Эпиграф:	4
Vasia_01	5
Vasia_02	14
Bukov_02	20
Vasia_03	23
Vasia_04	27
Bukov_04	37
Vasia_05	42
Bukov_05	51
Vasia_06	54
Lady_01	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Сергей Огольцов

Напропалуйное гнутьё

Эпиграф:

«К сведению миледя́м, всем-всем-всем. Я – бетюнский палач. Представьте справку, заверенную пожарной частью по месту жительства, о противоправном бетюнировании, и я отпалачую вас за милую душу. Цена договорная».

Из материалов следствия по делу № 1024 о попытке несанкционированного подброса использованных бланков «прелестных писем» на территорию музея-заповедника Дюмас-Перэ А. Т. «Пресная Поляна» в ночь с 3 на 2 октября 2025 г.

Vasia_01

...клубы тумана начинают редеть, истоняться... нет, показалось... вновь наплывает вязкая непроглядность. Но в ней предощущается некая потаённая жизнь, невидимое шевеление в густой всепоглощающей пелене... Кто там укутан? Зачем тихарится?

И море, совсем неподалёку слышно море, буквально рядом, очень близко. Плоский плеск волны набежавшей на берег, и – опадает стихая... словно мерное посапывание исполна, кому неведомы сомнения в своей мощи, даже когда спит. Вдох, и – отхлынул, а следом накатывает другая, такая же, следующая в чередё волн... Несущая неизменный выдох...

Изредка, резкий вскрик чайки прорезает шум дышащей пучины...

Стоп! Не газуй! Что за Моби Дичь ты тут гонишь? Сковырнулся с высоких каблучков 19-го века, или как? Чайка не дура тебе, чтоб летать вслепую. Птицам не удалось развиться до радара летучей мыши, не могут пищать ультразвуком, нащупывая путь в темноте и тумане.

[—»

Неизвестный орнитолог Х. фон Хольцшнобель полагает, что ряд отрядов пернатых достиг грани оснащённости таким аппаратом, а некоторые (колибри, например) переступили её

и пользуются втихаря, на бытовом уровне. Причину такой ситуации он видит в их птичьей заносчивости и претензиях на аристократизм. Они, видите ли, родственники самому Кондору, царю-батюшке, по линии голубой сойки...

(Заметка между строк в рукописи, найденной в Саратове под Саратовым и снова утерянной на испытательных полигонах Томска-4)

«—]

Баста! Хватит умничать! Открой глаза навстречу шири бескрайнего моря. Сколько можно тянуть резину...

Туман схлынул с разлепленных ресниц.

Уюй! Вместо океанических беспределов, вынырнул вид на лопухость и легковерие моих органов слуха. Никто же не требовал скорострельности, не вымогал немедленных выводов, однако уши мои лоханулись спросонку как на первый день замужем. Истолковали саундтрек совсем не в ту сторону.

Да и я хорош – доверился им без проверки, ослабил контроль и, едва проснувшись, – получи неприятность: хреновенький из тебя снайпер – попал пальцем в небо. С бескрайностью горизонтов у нас тут явный дефицит.

Куда ни глянь, взгляд упирается в пространство, замкнутое сопряжением разнонаправленных плоскостей. Отследить детали архитектурного решения заморится и сам пан Вий, если сможет глаза продрать с похмелья. А звук приборя хоть и насухую, но в полном объёме воспроизводит толпа,

заполнившая окрестную архитектуру.

Похоже, в моей повестке на сегодня стоит «перекантоваться на вокзале». Ничего себе, какой я, оказывается, романтик. А может, случайный бес попутал принять на грудь чего-то свыше расчётных параметров?

Не-а, отпадает за отсутствием симптомов. Похмелья ни в одном глазу, барханов из Сахары тоже во рту не наблюдаю. Отсюда вывод: я трезвенький как стёклышко, и не достопо-чтенный Вий.

Но в таком случае с какого передрыга давлю комарика на этой полировке? Кстати, неплохой дизайн у мебели, продуманный. Сидельная приспособа ёмкостью на трёх. Рассажены по индивидуальным секциям, что не способствует отображению на троих. Но эти игры потеряли актуальность, стали обрывками старых кинолент. А мне-то что? У нас ИИ есть, кто всё за нас решит.

Площадь, отводимая под отдельно усаженную душу, вполне привольна, на вырост, из расчёта на неуклонный рост живого веса в глобальном пользователе.

Однако на здоровый сон в персональной загородке губу не раскатывай. Даже и калачиком не выйдет, не-а. Вот эти комфортабельные подлокотники серебристого отлива не допускают протянуть ноги в корраль к соседу.

По большому счёту правильный намёк – спатоньки дома надо, а на вокзале отдых порционный: в сидячем виде и только на $\frac{1}{3}$ лавки...

А вон, кстати, и чаечка, что очнула меня звучным криком над фейковым прибоем. До чего редкое оперение! Медно-золотистое облачко Афро на одуванчике головы. Полёты над волнами закончены, приводнилась на молочно-белой глади плиток. Спиной упёрлась в полированную ножку на том берегу русла в блеске облицовки. Ноль внимания на гущу ног, снующих мимо. Вся – в книжке с картинками, опёртой на коленки врасстопырку. Пятки под ягодицы – заклинить скольжение по полу, коленкам варианта нет, кроме как торчать. Кузнечик в оранжевых колготках. Книжка-раскладушка распахнулась в обе стороны, колышется на стебельках-подставках, туда-сюда.

По твёрдой глади сразу в обе стороны спешат армады разношерстной обуви мимо картинок в книжке яркой букашки-Афро-одувашки напротив меня, по ту сторону потока ног, спешащих по молочному руслу в кисельно полированных берегах.

И вдруг поверх суматохи ног – водомерок булькнул мелодичный гонг, всем-всем-всем: заострить внимание на непрекаемостях стрекота стрекозы!

Но постой-стой-стой! Погоди! Что это за язык-то? А и где я тут вообще?

По публике вокруг даже и Шерлок вряд ли вычислит, куда их на пару с Холмсом занесло. Обычная смесь транзитных толп, пигментация кож с охватом всего спектра, от глянцево-угольного до слепяще-альбиносного, мульти-расо-

вая массовка, где всяк номад шпарит на персональном муттер шпрахе.

В такой среде «где?» явно не у дел, не катит. Лёгким движением руки меняем вопросительное слово, второй подход с другого боку: «зачем» я, собственно, тут, сам не знаю где?

В ответ – затяжная пауза и неразборчивое хлопанье ресниц, беззвучно. Однако позыв почесать в затылке я успешно сдерживаю, пресёк его в зародыше, на всякий. Что если вдруг меня растил цивилизованный слой мирового сообщества? Навскидку, блин, всего не угадаешь.

И тут я просто-таки похолодел, вкогтился в подлокотник, словно беркут. Мою треть лавки взяла в кольцо окружения неизбежность постановки главного вопроса, напрямую. Как ни крути – придётся. Едва утихнет треск провальных попыток объехать его на кривой. С подобными вопросами дешёвые номера не проходят.

Озноб отчаяния пробежал по коже, она уже успела догадаться, что основной вопрос, даже поставленный ребром или на попа, упрётся в полупрезрительную тишь. Эх, будь что будет:

– Кто я?!

Vukov_01

Буков умирал, и знал об этом.

Он умирал как зомби, без эмоций. Его не слишком колыхал предстоящий факт. Такой скелет как у него подобной хернёй не проколышешь – клинит, падла, намертво в любом

суставе.

Бытие приучает к сдержанности чувств. И у тебя на всё заводится одна и та же реакция: ну, и что? Отреагируешь и скажи спасибо, если ответно не резанёт боль. Особенно в крестце.

Не то чтобы равнодушно, однако безучастно относился Буков к своей кончине. Типа сходить к зубному врачу. Хочешь не хочешь – надо, раз уж болит. Просто день и час не назначены, но уже недолго. Он это знал.

Знанием Буков ни с кем не делился. Не имел манеры напрягать посторонних своими личными проблемами. Инфаркты Буков переносил на ногах. Даже обширные. Уже впоследствии, годы спустя, мог и проболтаться. От нечего делать, наверное, когда уже старость стала сказываться.

А во-вторых, некого ему утешать и подготавливать. Не пацанву же в супермаркете, куда он выходил раз в 3 дня за макаронами, хлебом и каким-нибудь кетчупом, упрятать в холодильник.

Госязыком державы-победительницы Буков не владел. Блондинчик при кассе устраивал цирк для корешков. Уставлял в Букова незримое ружьё, потом ребром второй ладони себе по бицепсу: «пиф-паф!». Клоун...

Чернявый пацан улучил момент меж дальних полок, где рядом никого, спросил у Букова, знает ли по-русски. Он не ответил, хотя услышал через привычную уже полуглухоту. Положил на стол возле компьютера деньги на непонятном

языке, которые давала ему миссия Красного Креста. Забрал сдачу и ушёл.

Течение жизни человека predetermined на 100 %, благодаря биологическим наукам. Нам загодя известно, когда он созреет, заматерееет, начнёт усыхать и бултыхнётся в Лету (тут правильной воткнуть на языке поэзии, чтоб лишний раз не жимануло от мысли, которую он, человек, запроторил на дно зиндана в тридевятом круге подсознания, чтоб не стопорила исполнение будничных задач).

Куда сложнее прозреть его биографический фарватер. Тут слишком много факторов: семейное положение, общественно-политическая жизнь, расклады гео-экономики и всякая другая кошка, готовая перебежать дорогу.

Ну, а данный персонаж был человек маленький, анализ политики с прочей хернёй ему и нах-нихт не ху-ху... и так далее. Иначе давно б уж знал закономерность такого конца своей биографии, обусловленного династически натасканными навыкам стратегического руководства противников политического образования в землях горного края, где ему пришлось доживать свой век. Плюс неисчислимое превосходство в денежных и демографических ресурсах. Плюс оснащённость армии оружием в разы мощнее допотопщины в помянутом политобразования. Плюс продажность независимого правительства и руководства... И много чем ещё делали бы ему мозги надроканные шарлатаны из телепрограмм, да только не включал он телевизор. И не то чтобы

просто отнюдь, а от слова «вообще».

Буков умирал с размахом. Один на все хоромы для большой семьи. Семью разметало в капитуляциях и беженстве. Только он застрял как старый гвоздь, намертво въевшийся ржавчиной в древесный брус. Легче поломать, чем выдрать.

Теперь он умирал один, молча, зная, что умирает, и что данный факт ему тоже придётся переносить на ногах.

Изредка в дом являлись мирные граждане державы, одержавшей беспримерную победу, снять мерку под свои мирные семьи. Большой дом, место тихое, в тупике. Хороший сад, хоть и запущенный.

Осмотревшись внимательнее, уходили, разочарованно прищипнув языком. Дом стоит на краю отвесного обрыва. Обречён рухнуть вниз не в том так в следующем из неизбежных тут землетрясений.

Здесьние горы всегда были зоной сейсмической нестабильности. Когда строил, Буков об этом не подумал, не знал таких слов. Радовался, что повезло и горсовет, не маринуя, выделил участок. Однако строил-то уж, конечно, не на краю. За десятки лет овраг придвинулся, вместе с потоком открытой канализации – речка-вонючка, там, на далёком дне...

Так Буков выучил слова про сейсмичность региона. Но теперь обратно забыл. Когда-то трещины в кухонной стене под вытяжкой при газовой плите приводили его в унылую ярость. Потом он привык и перестал их видеть.

А сейчас просто сидит в тиши большого дома, слишком

большого для него, смотрит на окно, чьи шторы никогда не закрывает. Сада за окном он не видит, как не видит, где кончается нос, и начинаются глаза в смазанных пятнах лиц тех пареньков при супермаркете.

Но он и так знает, что сад зарос травой по пояс. Сад, превративший его руки в придаток лопаты, косы, грабель, отдавший спину в кабалу болям.

В саду ему нет за чем и нечем присматривать... У него теперь всего делов-то – помереть.

Vasia_02

В извилинах царила пугающая тишь. Объединёнными усилиями, память с логикой надрывались в попытках выкачать хотя б одну, пусть даже смехотворно хлипкую причину, что привела меня на лавку, расфасованную под комплект из трёх сидельцев. Объяснить мне моё присутствие в необъятном зале ожидания посреди неведомой Муттер-Шпрахии, чья система общих объявлений не заточена под всем родной Глобало-Инглиш. Без толку, понапрасну бились мысли об извилистые стенки, подобно немым рыбам в тесном садке: где я? кто я?

Вместо ответа в мозгу возникала пустота до того плотная, что чувствовалась наощупь, сквозь череп и волосяной покров. И лишь из абсолютно дальнего далёка – не разобрать за каким извивом или мембраной в *dura mater* – доносился призрачно неясный отзвук эха. Что-то типа «кокина маля». Чёрти что!

Хотя если взять без кавычек и с большой буквы, получалась фамилия с именем или, возможно, африканская страна из одного стручка с Буркиной Фасо и прочими субъектами международного права из двух слов. Но даже и географическое послевкусие не добавляло реальности чересчур извилистым отголоскам...

Однако вскоре, пожалуй, даже слишком скоро, возник

неоспоримо визуальный знак.

Он всплыл неведь откуда и глядел на меня с неким вопрошанием и укоризной из путаницы переморщиненных борозд и прочих шероховатостей коры головного мозга. Затем (и скорей всего, уже стационарно) залип на стенке слева и принялся оттуда явно смахивать на пару букв, заглавных: «К» и «М». И тут уже нечем крыть, смешно и дальше изображать наивную невинность, тупо тянуть резину – типа, там, не заметил, да.

А фиг ты угадал, миопик, – вон тебе знак, нашлѐпанный небрежным граффити, белым по серому, с размашистой решимостью пацанѐнка, что по весне бросается в первый заплыв поперѐк речки.

Гребки сплочѐнных саженками плеч, локтей, ладоней, головы поверх леденящей ряби струй. Круть-верть, туда-сюда – ухх... сук... ухх... кка... ухх...

Знак и я уставились друг на друга, Лицом к лицу, взаимно, безответно. Ни одному из нас не нужно объяснять неотвратимость поединка, Один на один.

Это мой последний шанс: либо получу ответ на главный из вопросов, и тогда остальные перебздыт – начнут колоться сами по себе, либо...

Стоооп! в ту пессимистическую степь лучше не думать.

Кто я?

Нет ответа.

Кто я?!

Нет ответа.

Ахху... ух, а таки ж хреновенько... С приехалом. Надо же! Сам не знаю, кто я вообще... А если патруль остановит?

Какой патруль, о чём я это?

Мысли заметались, нагнетая и без того сгустившийся сумбура во тьме под теменью. У головы не оставалось выбора, кроме как пойти кругом.

Что, блин, за карусель? Снизу всплыла лавка чёртова колеса. Клоун в лоб обтянут мокрым колпаком, слово «амнезия» вышито суровой ниткой, красный торжествующий язык топорщится, как томагавк, из вздутой шины малёванных губ...

Врешь, сука! Не возмёмшь! Какая нахрен амнезия у паренька в 15 лет? Или сколько мне там...

Ну, хорошо, проверка каши не испортит, тем более за так: Битва при Аскулуме? – 279 – й до нашей эры.

Какой сейчас год? – Текущий, он же високосный.

Сколько отмотал ходок? – Три.

Кто? – Дед Пихто.

Ха! Всё сходится, до амнезии далеко. Пока что...

И уже на разогреве, с экибастузской экстагичностью:

Парень хороший, как тебя зовут? – По-грузински я Ваню, а по-русски Ваня; по-армянски Ованес, а по-русски Ваня...

Только Ваньку мне тут не валяй, да? Это ж с пластинки той, 78 об. в мин. Ну, и где теперь твои 15 лет?

Но всё равно амнезии нет и близко. Стопудово.

Стоп! А как же это я упустил карманы прошманать? Устрою очную ставку задержанных при облаве, и вычислю паскуду, дедуктивно, чтобы себя за меня не выдавал...

Хмм. Ни сигарет, ни зажигалки. Следовательно – некурящий, помру здоровеньким. А интересно, сколько лет в завязке?

Нет ответа.

Хотя, без амнезии, должен был бы быть. С этим как бы неувязочка выходит.

Ладно, хватит уж себя депресняком гнобить. Может быть, я и не начинал. В жизни. Потому-то вопрос про завязку остался без ответа. Вернее, ответ дан своим отсутствием, по умолчанию. Логично? Логично. Ноль, стало быть – ничего. Слыхал какая в ответ тишина? Значит я девственник по теме никотина. Не имею такой зависимости.

А какие имею? Эх, опять погнал аллюром «три креста». Хотя за этим есть резон. Помню, знакомая астрологиня говорила: скажи мне только имя друга, и я озвучу список его зависимостей. Но про свои Амалия умолчала...

Что, блин, за избирательность? Имя дамы с астрой помню, а своё...

Погоди-ка, погоди! Тут еще карточка какая-то. И, кстати, в заднем правом, как обычно.

Опаньки! Картинка-то не простая, а золотая! Причём даже не картонка, а авиабилет... Вылет через ворота D43, куда явиться в 17.00 на посадку рейса 0244 из ZRH прямо в TLV.

А главное – пра-та-та-та! – зовут меня Semyon Nulin! Приятно, блин, знать, с кем имеешь дело в своём лице. И я к тому же MR.

Молодец, мужик! Будем надеяться – натурал...

Так-так-так, в 17.00, значит? А на стене зала ожидания уже без десяти. Неважно. Паспорта всё равно нет. А какой я из себя с виду? Не помешает познакомиться с красивой. Где здесь туалет, Там зеркала бывают. Ну что, Сеня, пошли знакомиться...

– Не дёргайся, Васёк, – негромко буркнул недовольный голос в левое ухо. – Тут, сабля востра, видеокам натыкано, как эби-о-ма, ну вообщем... а у тебя в, сабля востра, пиджаке карманы с клапанами, грёбанный ты модник... не вертись, дай паспорт втихаря впихну...

Меня пронзил тихий ужас. Мороз по коже. Язык заледенел и бряцал о сосульки на альвеолах и зубах позади губ, окоченевших до заиндивелости.

– Т-ты к-кто? – Нечеловеческим усилием воли я обуздал вполне естественный рефлекс, не позволяя себе повернуться.

– Чё, нюх утратил? Своих, сабля востра, не узнаёшь? Да это ж я, эби-о-ма, – Трактор!

– А я кто?

– Ну, ты заквасил, 0-Седьмой! Опять что ль мухоморами закусывал? Смотри, вот капнет на тя в Центр кака-нито сука, опять пойдёшь мотать. А мне опять, эби-о-ма, уху тебе

таскай в передачах.

– Петька! Ты, что ли? – Сама собой вырвалась у меня какая-то непонятность.

– Ха! Кто уху ел, што Петька сварганил, тот, гадом буду, уже не забудет.

– Да не, я это, само вырва... ну, неважно... Просто сперва ты трактором прикинулся.

– Прямая директива Центра: общение личного состава вести исключительно через позывные, эби-о-ма. О! Впихнулось! Запомни, 0-Седьмой, в текущей операции ты – Нулин, Семён Евграфыч. Ланна, вона уже ворота на тебя открылись. Не пуха, брат. Берегися, не простынь под абуль-дабульскими, эби-о-ма, кондиц-шмыльниц-нерами...

Bukov_02

С утра перво-наперво надо было продрать глаза. Их ночью засыпал песок, не натуральный, а что-то типа. Ещё лежа под одеялом, Буков наощупь выгребал колючие песчинки из уголков схождения век и под ресницами, из тех которые ещё не выпали. Попытка поднять веки вызывала жжение. В ответной самообороне глаза слезились, и Буков брёл вслепую в коридор, а там сворачивал направо – в ванную. На стены он не опирался, а просто проверял руками свои координаты на маршруте.

Вода из крана его окончательно будила и промывала веки. Теперь уже не больно было моргать по ходу дня.

Посреди самой просторной комнаты большого дома стоял старый стул, отворотившись от овального чёрного стола, за которым Буков ел всегда с другого стула. Чтоб не морочиться с верчением первого, туда-сюда.

Чёрный овал большой столешницы окружали четыре стула, но он пользовался только этими двумя.

Благодаря своим размерам, комната вмещала гостиную и кухню сразу. Невидимая граница между ними пролегла неизвестно как. Жилец мог проводить раздел по произволу личных предпочтений, где тут что. Или по настроению. А можно и совсем не париться: назвал всю комнату кухней – стало быть, кухня, сказал на неё «гостиная» – тем и быть ей,

целиком, до следующих настроений. В общем, что первым подвернётся на язык. Все проживавшие тут всегда сразу понимали.

Когда из проживавших остался один Буков, он развернул один стул от стола. Так стул, вынесший полдюжины ремонтов, стал частью гостиной. На нём он и сидел всегда, дожидаясь конца срока своему гостеванию и тут, и вообще.

Дальше перед ним, в левом от окна углу, стояло кресло-качалка, которым он не пользовался. Никогда. С его спиной и сесть и встать с него проблемно.

Съев свой обед, он аккуратно сметал обеденные крошки, которых не различал, с овального чёрного стола. Потому что знал, что те всегда там остаются. Дальше делать было нечего, и он сидел спиной к столу и кухне по ту сторону пограничной столешницы.

Глаза в его лице, обёрнутом к широкому окну, невидяще смотрели на зелень сада. Ветер за стеклом бесшумно шевелил ветви и листву яблонь, груш и остального прочего, привычно неизменного, за годом год. Глазами со стула в гостиной Буков не разбирал, какая зелень от чего конкретно, но в голове он ясно видел их тощими саженцами, а иногда и деревцами по пояс в снегу, либо в белых покрывах цветения.

Вживую ему ничего такого теперь не рассмотреть, он просто сидел на старом стуле и ждал.

Сад жил дальше, уже без Букова, отдельной от него жизнью. Зарастал травой, ронял в неё круглобокие яблоки,

жёлтые груши, кормил чёрных дроздов, потрошителей мягко-оранжевой плоти бессчётных плодов на дереве королька.

Одичалые псы проложили в траве свои торные тропы, срезая через сад по своим собачьим делам. Всё это его не касается. Уже. Ему бы только дождаться, а то ведь опять стемнеет, и снова ложись, выискивай бок, на котором не так будет больно. А с утра пойдёт ещё один день такого же ожидания.

Имелась, конечно, надежда совсем не проснуться, но он мало верил в такое счастье – слишком уж она цепкая, эта сука-жизнь.

Vasia_03

Память моя безупречна, ей вообще цены нет. В полном смысле слова. Мне без проблем выуживать из неё недостижимое для усреднённых представителей людского рода. Полную запредельность для простого смертного.

Например, помню времена, когда жизнь складывалась сплошь из одних лишь удовольствий. Бесперывное наслаждение. Океан сладостной неги. Тёплый, приятно сумеречный, полный ласки, в котором я плескался с моим постоянным товарищем по играм – змеем.

Мы были неразлучны, я и мой друг змей. Играли, кувыркались, баловались, всё делали вместе в мире, созданном только для нас, где разливался мягкий полумрак приятно-розоватого цвета. Мир комфорта и нежной заботы. Ах, если бы так продолжалось и дальше...

Но всё уже кончено, тот мир погиб, его не стало. Предвестником конца явились жуткие мощнейшие содрогания, что раз за разом потрясали мир. Он стал враждебным вдруг, накинудся, стал давить, безжалостно, до удушья. По океану разлилась едкая отравка, невыносимая, грозящая прервать любую жизнь.

В безумном ужасе, трепеща всем телом, как схваченная сетью рыба, я бился в поисках спасения, хоть как-то избежать весь этот ужас.

Небывало резкий свет в конце открывшегося туннеля указал единственный путь к избавлению, исходу из ядовитой западни. Тесные стенки давили, безжалостно сжимали голову, но я не прекращал борьбы за жизнь. Протискивался всё дальше. Только вперёд.

Меня приняла рука, обтянутая скользкой резиной. И она же – о, Боже! – отсекала моего друга, который, оказывается, был частью меня! Я вскричал, и первый вдох воздуха иного мира ворвался в мои лёгкие.

Да, я помню всё...

И я не забыл случившееся через полгода. Вокруг стояла ночь. Мама и я лежали на топчане. Жёлтый свет проникал не шевелясь из соседней комнаты. Мама спала, а я упоённо сосал её титю. Я часто занимался этим, в любое время суток. Мне нравился домашний вкус её молока, но ещё больше нравился податливый сосок тёплой тити.

Резиновые руки отняли меня от её груди, я был готов протестовать уканьем и криком, но рот мой вдруг заполнился податливой резиной, чем-то похожей на её сосок. Я стиснул дёснами безвкусную подделку и – смолчал...

– А неплохой получится из мальчика янычарёнок, – проговорил голос у меня над головой, писклявый, словно трение резины о резину. – Как окрестите его, Док?

– Тут и думать нечего. В инструкции чётко сказано – по дате: 07, значит 07-й. Фамилия по месяцу – Январенко, – ответил кто-то в жёлтом свете.

И больше я не видел маму, Никогда...

Bukov

—
03

В его прошлых жизнях, где он был пацанёнком, козырным парнем, мужиком с ухваткой на всякую работу – Буков тела не имел. Ну, то есть, совсем не замечал. На нём было решать только: куда пойти, что там взять, поднять – перевернуть... – да мало ли... – а дальше оно само уж.

Теперь всё не так. Нынче тело обернулось его местом заключения. Режим строжайше жёсткий, свобода передвижений ограничена до предела. Неосторожный крен, резкий поворот, или наклон слишком глубокий – караются безжалостно и неотложно.

В общем, теперь уж тело держало его в ежовых рукавицах. Но даже без проступков с его стороны ломило и мучило болями постоянно. От ступней до шейных позвонков.

Тело мстило за беспощадную эксплуатацию в минувшей жизни. Пришла отплата от убитой нахрен опорно-двигательной системы.

Он терпел, куда тут денешься, хотя и, как говорил звездастый комик Голливуда, он на такое не подписывался. А тот сказанул и вдруг – женился. Наверное, хотел клин старения выбить другим, который стимулировал когда-то сильнее остальных потребностей.

Да и казна имелась. Поднакопил за долгую успешную ка-

рьеру на серебряном экране. А под конец месяца намазанного мёдом, взял и – повесился. Обидный такой просчёт. Не учёл комик, что и у стимулов срок годности кончается... Оставил юную спутницу жизни безутешной. Или как? Ну, это ей видней.

Под игом вечно ноющего тела из Букова получился сурово неуступчивый старик. Он в петлю не полез, не стал выплясывать в ней на потеху праздным зубоскалам. Такое не для него и не по нём. Одна неаккуратность и курям на смех.

Нет, он переключился в режим ожидания естественной кончин и, в суровом молчании, волочил свои боли дальше...

Vasia_04

Паспорт, вложенный Петькой-Трактором, доказал свою пригодность. У контроля при посадке на рейс нигде ничего не пикнуло.

Ну, а дальше? Вот прибываю этим дюраль-дилижансом в конечный пункте назначения, в тот TLV и – что? Ни явок, ни контактов, ни мобильника. Даже задания не дадено! Похоже, у Центра крыша полным ходом уже ту-ту, поехала кататься с милым вагончиком, который голубой.

Вышел на трап, всоснул всей ширию грудной клетки свою пайку смога из местной атмосферы: ну, здравствуй, TLV! Я – Сеня Нулин! Где тут ближайший мусорный бак? А то сильно кушать хочется...

Ладно, что будет – будет. На крайний случай пристроюсь вышибалой в какую-нибудь из туземных зланных точек. Трактор подсказал, что я 0-Седьмой, сталбыть обучен какому хотьнибудь дзюдо с айкидой. Конкретика, после глубокой дрёмы на полировке в аэровокзале, пока что ускользает, но положусь на память тела, на запас реакций в нём, отточенных до автоматизма спецтренировками спецagenta для спецмиссий, und so weiter.

Опаньки! А это, что ещё за автоматизм у меня тут выскочил? Похоже, спецтренер по спецайкидо у нас был из Германии. Что ж, на крайняк, как любит выражаться Петька, спец

по уховарению, пойду преподавать немецкий в какую=нито eine schule.

Хороший он парень, хоть и полуграмотный, выше читки комиксов не ликбезится. На жизнь хватает одних только: Хрюмпсь!! Бздынц! Пззз!! Однако вежлив шельма, ко мне всегда по отчеству: «Василь Иванович, сапоги-то скинь, вишь, полы намыты, чай, спецобщага тут, а не бомжатник»...

О! За одно это лавры первенства уходят авиаперевозкам – показательное выступление стюардных гимнасток. Как вдуть спасательный жилет, на случай приводнения в песках Сахары. Но инструктаж-то, чёрт побери, на каком языке транслируют?! Чем-то с зулусским вариантрм английского... Блин! Спецпрепы меня только к британо-оксфордскому натаскали.

– Это Мидл Инглиш, юноша, его нортумбрианский диалект до редукции адъективно-вербальных инфлекций и Великого Ваувельного Сдвига.

Я ахху... оглянулся, то есть, на соседа слева, сидящего между мной и стеклом иллюминатора.

К счастью, ремень безопасности, уже застёгнутый для взлёта, выдержал мой порывисто произвольный вздрог в попытке рвануть куда глаза глядят от... чёрт его знает... вурдалак, упырь, оборотень или...

Рядом сидел бочонок обтянутый свитером. Преобильнейшая серая борода заткнута в низкий вырез ворота, но не слишком туго и выбившаяся волосяная складка окружала,

словно замызганные брыжи обомжелого аристократа конца Реконкисты, красную рожу алкоголичного оттенка.

Впрочем, от рожи виднелись лишь глаза да мешки под ними, отороченные включенными лохмами бровей и седой гривы. А бороду явно тянуло на приключения – конец её, вернее продолжение торчало из-под шерсти свитерного края, растянутого брюхом, и уползло меж ляжек в джинсах куда-то под сиденье. Как он укрощает её в WC, этот урод?!

– Упырь Вурдалакович Дядьев-Черноморский, с вашего позволения, эксперт лингведения. Спешу представиться, во избежание непоправимых казусов.

– Позывной 0-Седь... то есть... ээ... как вы догадались, что я не в курсе про Великий Сдвиг?

– Проще некуда, у вас, Васёк, всё на лице написано. Не помешала бы маскировочка на тупые базары в голове, чтоб не травмировать порядочную публику откровенным текстом. Могли бы и бороду запустить, как более разумный сапиенс. Кому нужны лишние хлопоты и трах коротким замыканием в и без того кратком сроке жизни? Натек-ка, зацените вашу мыслепись!

Толстые пальцы занырнули в поток волос пониже брыжей. Во мне щёлкнул рефлекс по выхватке направленного в лицо пистолета с глушителем, переключая тело в готовность номер один.

Однако из власонедр попутчик распсихованно извлёк зеркальце с остроугольным зигзагом трещины, чтоб сунуть мне

под нос его ртутный круг.

«Ишь, размахался тут падлюга... Ух, ты! Так это я такой? Ну, здравствуй, Василий...» – струилось по щекам моего отражения, затекая в раззявленный от изумления рот.

Мне повезло ещё, что словесная текучка слов не светилась типа бегущей строки, заманивая киноманов. Буквы смахивали, скорее, на тени насекомых, стремящихся трусцой, но, не ломая строй, в грот... тьфу, блясабля! В рот, конечно, который я поспешил захлопнуть.

Однако театр теней не прекратился. Они продолжили беготню кругами по щекам, а нецензурности неторопливо проплывали по лбу, из края в край, словно по ленте камикадзе, шатнувшегося в увольнение по гейшам. Ему ж бесплатно. Напоследок. До оргазма о борт авианосца...

– Ну-с? Убедились, молодой человек? Хорошо хоть пишется на этрусским, который не-эксперту не прочесть. За исключением матерщины, родные корни – это свято, их не утаишь.

Выхватив зеркальце, он утопил его в струях бороды.

С тупым отчаянием, я повторно прошманал уже не раз обысканные карманы джинсов и пиджака. Как и ожидалось – шиш там ночевал!

Только в боковом билет и паспорт, а остальные стоят в очереди за пособием по безработице. На судорожной карусели в голове катались лихорадочные планы покупки носовика в первой встречной лавке антиквариата.

Да-да! Прятать лицо! Как недоосвобождённая женщина востока. Под бурку его или под антиковид-намордник, рекомендованный продажной ВОЗ. Носовиков нынче днём с огнём. Глобальное сообщество перешло на салфетки, даже приматы в зоопарках прекратили сморкаться во что-либо ниже Scarlet и Cleopatra's Nest. Чтоб ветру было что уносить...

Тем временем резина самолётного шасси сухо оттарактала по взлётной, и аэробус оторвался от бетона полосы. Пошёл самый противный этап транспортиции – набор высоты. Гигантская качель уносит меня вперёд-наверх, безвозвратно, чтобы там перебросить в следующий взмыв.

А тут ещё память тела раскулилась в незваных воспоминаниях. Каким укачливым оно было в раннем детстве. Всего часа езды по гладкому железу рельс хватало для утраты транспортабельности.

Морская болезнь не щадит и сухопутных крыс.

Препараты из антигистаминных компонентов и холиноблокаторов на меня не действуют. Да, я мог бы летать в режиме синхронной автономии, уйдя в параллельный полёт, Пристёгнутым к сиденью лишь для виду. Но у Центра завелась дурацкая привычка проводить экспрес-анализ на содержание субстанций в крови сотрудников.

Особенно вернувшись живым после задания. Или из отпуска. Полный сволочизм, конечно.

Поэтому тошноту давлю домашним средством. Личный

импортозаменитель. Главное не дать ей, суке, осознать, что я её вообще чувствую.

Всю эстафету пошаговых вознесений летающей машины отсиживаю с отсутствующим выражением лица, типа преферансиста профессионала.

Даже когда закладывает уши. Побочно-бонусный эффект пристрастия к азартным играм. Сиди и ухом не веди, чтобы никто не догадался, где у тебя дырка в мизере.

А грёбаную память тела глушу упёртым в одну точку взглядом. Чёрная точка на нескончаемом плафоне по-над ящиками для ручной клади поверх пассажирских голов по ту сторону длинного прохода из хвоста в нос.

Гул моторов плавает по синусоиде: от инфрарёва до ультраписка в наполовину заложенных ушах. Во всяком случае не выше 92 %. Однако у меня есть точка, вот на неё-то я тарашусь и – держусь.

Дайте мне точку опоры, и я не допущу, чтоб хоть и миром всем мне вывернули желудок. Заморитесь, тошнотворцы! Держусь как Икар в испытательном полёте...

Хубля! А вот это уже полнейшая подлость. Удар ниже пояса. Моя опорная точка вдруг сдвинулась и поползла спиралевидными кругами. Так это ж муха! Бляха-муха, муха-цокотуха...

Опоры больше нет, вынужден залечь в глубокую оборону за бруствером из медитаций о её муховной жизни. Тактика не нова, однако тупо работает. Сам не знаю почему. Пока что

толком не доугулится, медитация – это, что вообще такое? Но успел подметить, что мысль, заякоренная на чём-то одном, помогает. Хоть даже и на спиралевидно ползучей мухе, которая, по сути дела – заяц.

Без билета, без всякой регистрации шастает по свету, из конца в конец. Сегодня жужжит залётная на дынных корках восточного базара, завтра прохлаждается под бризом фиордов Скандинавии. В среду у неё стрелка с мухуями на Таймз-Сквер в Нью-Йорке, потом летит в дисциплинированно правоверно Талибанстан, откладывает свои безбожные яйца.

А по пути творит, что стукнет в её мушинные мозги. Вон – принялась летать кругами внутри прямолинейно движущегося самолёта. И тут уже закручивается такая относительность, что и Эйнштейну не прочхать. Аэроакробатический пилотаж в салоне, мчащем выше поднебесья...

Шлямпись!

Внезапно, словно чёртик на пружинке, взвилась старуха с той стороны прохода, изобразить ракету земля-воздух. Униформа – серое платье прямого кроя без рукавов (!) – увеличивает прицельную дальнобойность в радиусе поражения.

Медитация – вдрызг, моя эшелонированная оборона – псу под хвост. Один шлепок, и сбитая муха заштопорилась вниз под завывание мухомоторов. Один к одному – Юнкерс, расстрелянный пулемётами Спитфайера,

[→»

M1919 Браунинг, спецмодификация под калибр .303 для

британских КВС

«—]

но я его не слышу — уши заложило, наш авиалайнер продолжает набирать высоту.

Ракетчица противовоздушной обороны горделиво поглаживает шлем стрижки камуфляжной хне густо-тёмно-медной. Точка шлёпнулась на пол, взбрыкнула лапкой. Может ещё оклемается?

А фиг там! Широкий, как трак гусеницы Марка Первого, [—»

та незабвенная глыбища металла, что первой двинула уютжить поля боёв мировой бойни № один

«—]

каблук нескончаемо баскетбольной ноги стюардессы лязгнул о пол, кладя конец финальным мукам мухи.

Контрольный притоп мимоходом, как и контрольный выстрел — гуманного акт милосердия.

Капец. Отлеталась тварь насекомая. Не донесла подрывных яиц, что окрыляют инакомыслящих и грозят устоям полицейских государств.

Победно стиснут кулак на вскинутой руке старушки, обтянутой коричнево-морщинистой, словно сушёный финик, коже. Триумфаторша занимает исходный огневой рубеж за спинками сидений на той стороне.

— Ай, да Немезида, — бормочет Дядьев-Черноморский. — Жива курилка с дальних островов! Есть ещё порох в поро-

ховнице! – Из глаз его, сквозь лохмы нависших над лицом бровей, лучится неподдельный подхалимаж.

Заложенность моих ушей миновала. Похоже, наш небесный перевозчик вскарабкался уже на высоту, предписанную воздушным коридором, и мы легли на крейсерскую скорость.

– Респект, Хроносовна! – Не унимался он с безадресными дифирамбами. Кому? О чём? Нас тут всего трое: он, я, да иллюминатор, и каждый в троице – мужского рода.

– Это я про перехват, – Не дожидаясь, пока озвучу свой вопрос, пояснил лингволог, – чёткая работа, в два хода – чик! – и нету. Как говорили коллизейские профуры-ноннарейки: «do ut des», сиречь, «дай и тебе достанется».

– В смысле, она проститутка, что ли? – Не понял я. – Та рухлядь прыгучая? Или вы про стюардессу?

– Закрой пасть! – Не шевеля губами прошипел попутчик, – и моли бессмертных, чтоб ей не донесли, не то трандец – и ляпнувшему и всем присутствующим в пределах слышимости.

Мне оставалось лишь пожать плечами – везунчик, блин, лечу с шизиком, рвущим когти из дурдома. Однако пожимал я одним правым, приберегая левое для дзюдо, которое всё никак не вспоминалось, даже в такой момент: в соседи мне достался не просто тронутый, а с буйным прибабахом.

По спинке сиденья слева рывками в четверть оборота катался бочонок торса в свитере: туда-сюда. Глаза в свобод-

ной от волос части лица закрыты накрепко. Нечто типа по-
смертной полумаски из гипса багряного отлива, в асинхрон-
ном верчении с бочонком, испускало бессмысленные вопли:

–хроносовна! Ну, Океановна! Не надо! Я ведь с твоим па-
пой... Даже с обоими... Не виноватый я! Рандомный билет
из кассы... Этого полудурка первый раз в жизни... Фатум
подкуплен был! – Он перешел на визг и, не разжимая век,
вцепился вдруг в истоки бороды, сочившейся из багряных
щёк, и взвыл в регистре недоступном голосовым связкам че-
ловека. – Нет! Только не это!

У меня снова заложило уши. Гул турбин за бортами Боин-
га взвился до визга циркулярных пил. Гигантских. Визжав-
ших истошно то в унисон, то каждая сама себе.

Но хуже всего, что опять пошла болтанка на качели без
границ, однако уже задом-наперёд: назад-и-вниз, назад-и-
вниз... И всё быстрее...

Боинг явно выпал из выделенного под его полёты коридо-
ра...

Bukov_04

По радужке в застывшем взгляде Букова скользнула тень из по ту сторону оконного стекла. Глаза его, по эту сторону, мигнули, теряя неподвижность. Он перестал быть частью старого стула.

Что именно прервало его мебельное состояние, Буков разобрать не успел. Мельк оказался слишком краток для края облака, случайно зацепившего диск солнца. Однако покрупней кого-то из удонов, самых крупных птиц, прижившихся в заброшенном саду.

Должно быть, снова граждане державы, взявшей верх в вооружённом противостоянии.

Подавшись вперёд, Буков упёрся в колени руками и помог телу встать. В коридоре свернул направо, к двери в сад, откуда зайдут экскурсанты – оценщики бродить по большому дому. Ему это всё равно, но всё равно неприятно. Лучше б дождались, пока он дождётся.

Уши распирает шум, слышимый только Букову. Их закладывало с утра, и он становился полуглухим, нося шум в ушах. Об этом, как и остальном, Буков никому не говорил. А и было б кому, не сказал бы. Какой толк.

Что площадка за дверью вымощена плоскими обломками мраморных плиток, нужно ещё было догадаться, или знать заранее и вспомнить. Пучки высоких сорняков, пробившись

в швы между кусками разного калибра, скрыли мостовую своей порослью. На вершке рослой лебеды направо от двери залип занесенный ветром клочок бумаги.

Буков не знал зачем, он сделал те три шага к белому листку.

Конечно, шаги оказались необдуманными. Одна из тех ошибок, когда никто не виноват.

Шагнул-то ведь не Буков из прошедшей жизни, а Буков с головой в полуотключке ожидания. Однако тело, привыкшее служить Букову, Вечному Аккуратисту Букову, согнувшись, потянулось за бумажкой, чтоб отнести мусор перед дверью в мусорный пакет на кухне.

Боль полоснула острой косою поперёк хребта этой пары Буковых: аккуратиста и забывшейся развалины.

Отсутствие вины не снимает наказания. Тем более если прищучен в непосредственной близости от допущенной ошибки.

Буков и ожидание распались. Ему пришлось очнуться. А тело попросту рухнуло на колени. Рефлекс, запущенный падением, заставил его руку метнуться вперёд, к стояку из толстой арматуры, чтобы ухватить. Колени не успели приземлиться на мрамор под травой. Буков застыл в полуприседе, переждать волну хлестнувшей боли.

Боль не унималась, и Буков начал осторожно распрямлять спину. Рука помогала коленям поднять тело вверх...

Этот стояк Буков забил в землю много лет назад. По

просьбе жены. Рядом с кустиком вьющихся роз. Да и какой там кустик – три былинки чуть вылезшие из земли. Поддержка смотрелась чересчур мощной. Буков сказал – на вырост, где я тебе возьму другую железяку.

Теперь её окутывала сеть жилистых стеблей до макушки. Оттуда, по закреплённому позднее бельевому тросу, гигантская труба с ажурным кружевом стенок из непролазных веточек и листьев провисла к следующему стояку. На сколько лет позднее вбивался тот, Букову уже не вспомнить.

А ещё позднее, по следующему тросу, труба переползла за угол большого дома, на его глухую стену.

Летом, недели на полторы, цветение мелкие роз нежнейшего оттенка заслоняло ажурную конструкцию из длинных переплетённых стеблей. Цветение создавало эффект облачка, подкинутого в сад на высоту 2 м от земли.

В те недели даже аккуратисту случалось застыть на мощёной (в тогдашней жизни чистой ещё от сорняков) площадке, и бормотнуть невесть в чей адрес и о чём: «ну, да»...

Остальные 350 дней, он просто терпел ажурный макет доисторической анаконды на заднем дворе, и ежегодно прорезывал ей чешую секатором. Когда жена скажет.

Неблагодарное растение царапало ему руки, но тратиться на сварщицкие рукавицы он не хотел ради одного или пары дней в году. Да и работать в них секатором неловко...

Буков распрямылся, наконец. Снял руку с арматурины.
– Что, старик, старость не радость?

Их было двое. В лёгких рубашках с коротким рукавом. Который с пузом, был в очках, да ещё и при галстукe.

Видать, спустились в сад по ступеням боковой лестнице от ворот, вдоль глухой стены.

Буков, не морщась, равнодушно выдрал из ладони плоский шип. Кривой, как зуб гюрзы, только зелёный. Один из матёрых стеблей подвернулся под руку, схватившуюся за арматуру.

Подарок от куста он уронил в траву. Стёр кровь с руки бумажкой, которую таки прихватил вставая. Когда уж сунул её в карман на джинсах, Буков отвечал очкастому противным скрипом своего, уже отвыкшего говорить голоса.

– Доживёшь – увидишь. Если с жиру не лопнешь.

– Ты, пень старый! Не знаешь, на кого тьявкаешь! – Заорал который без живота, но руки брюхатились бицепсами, распирая рукава рубахи; бычья шея начиналась враз от бритого затылка.

Буков медленно вздохнул носом, но смотреть продолжал на толстого. Шутовство пацана в супермаркете он сносил молча – там уже территория победителей, но здесь, хоть и запущенный, был его сад. Гражданские оценщики вели тут себя сдержанно, видно ведь, что человек жизнь положил в эти шесть соток и грубо сложенный, но большой дом.

– Унял бы ты своего пса, – проскрипел он.

– Ну, падла, ты у меня сейчас... – взорвался качок.

– Ограш! – По-хозяйски укротил его галстучник, – разго-

воры тут я разговариваю. Иди-ка лучше, чисть свою баранку, скоро поедем.

Оставшись наедине с Буковым, толстяк спросил:

– В доме один ты? Человек не просился его спрятать? Такой, без одного глаза.

– Надоели вы мне, человеки, – равнодушно ответил Буков. – Хоть с глазами, хоть без.

Он развернулся к двери в дом, но покуда достиг её, спривший успел уже скрыться за угол, от которого начиналась лестница вдоль глухой стены наверх, в тупик за воротами.

Буков вернулся на стул в гостиной к своему ожиданию.

Vasia_05

Резиновые руки, которые меня украли, уже не двигались. Писклявый голос тоже смолк. Лежать было достаточно удобно, но спать мне не хотелось, и я открыл глаза.

Нет, память не подкачала и на полмикрона. Спинка сиденья эконом-класса удерживает меня в той же позиции, как и безымянные чужие руки, что разлучили с мамой. Раз и навсегда.

Теперь, давно уже большой и сильный, я лежу навзничь под совершенно тем же углом к абсолютной горизонтали, которую каждый чувствует, даже закрыв глаза.

Да, конечно, угол наклона совпал полностью, наверное, поэтому мне чудится стерильно скользкий запах чужих рук. Мой затылок на 2 с половиной см выше копчика, как и в тот полночный час, хотя всё прочее...

Вместо жёлтой ромбовидной плоскости на тёмном потолке, где пролёг свет настольной лампы из соседней комнаты, широкий круг колодца над моим лицом, отвесно вверх.

В него заглядывает ночное небо, увешанное россыпью влажных звёзд. Подобных им не получается припомнить, они крупнее хранимых в ларце ДСП, моей долгосрочной памяти. И они не точки, а скорее, клубки пряжи, или бильярдные шары, застывшие в невиданных конфигурациях неведомых созвездий. Какой-то винегрет из комбинаций на барха-

те кирпично-рыжего оттенка.

[→»

Винсент, неоднократный чемпион мира по карамболу, отложил кий, покуда голландский претендент ван Гог неспешно канифолит свой турняк.

«—]

Клубки несовпадающих расцветок мерцают в колодезном кольце над головой. Куда забросил меня рейс 0023 ZRH TLV? Как? И зачем?

Вновь я упёрся в уйму вопросов без ответа. Словно стадо китов где-то в затерянных широтах, с фыркком, шумом, клетотом неудержимо взброшенных струй, – выплёскиваются на поверхность. Ломают штиль широт и баламутят гладь.

А толку что? В ответ им – тишина... Нет ответа...

Глубокий вдох и – на погружение. Творец вам объяснил программу: пасть, пасть, и ещё раз пасть, планктон высшей категории, Сам бы ел, да некогда – столько ещё всячин надо натворить!

Ну и пусть. Меня уже даже молчаньем сурдокамеры не напугать, давно установил опытным путём, что, поднатужившись, всегда отыщешь обстоятельный ответ. И это непреложный факт на 100%. Чему угодно, и почти всегда, если вовремя не сдашься. Найдёшь ответ и горько пожалеешь. Как всегда.

Да, ответа не миновать, при условии, что смог отместить банально иррациональную формулу ползучего оппортунизма:

«а на кой йух оно мне вообще упало?»

Бесспорно, от применения её на жизненном пути никто не застрахован, особенно кто отведал Петькиной ухи. Однако в подобной постановке вопроса сквозит антинаучность. Ответ заложен в её первый аргумент. Мухлёж и нахлебаловка, сказал бы Петька.

Тогда как придерживаясь правил взвешенного построения силлогизма, делаешь однозначный вывод, что появление морских млекопитающих под маской «как?» и «почему?» есть результат реально слабой краткосрочной памяти (КСП). Особенно если сравнить её с памятью долгосрочной (ДСП), опять-таки моей, способной удержать как титю, так и пуповину, не говоря уже про свет в конце туннеля, желательно с наружной стороны.

Впрочем, особой тут беды не нахожу, лет через 20, когда КСП перерастёт в ДСП, я всё припомню – ха! долгосрочная-то у меня будь – будь! В наимельчайших подробностях узнаю, что там произошло под визг циркулярных пил...

А также, почему и как наш самолёт поставлен на попа, хвостом вниз. И куда – *donnerwetter!* – подевалось полфюзеляжа вместе с носом, где по традиции сидит экипаж?

Немало бы о чём я расспросил бы эту мою КСП, чья функция оборвалась на визге циркулярок и на полёте аэробуса хвостом-наперёд и – камнем вниз.

Но, навскидку, до полного вызревания и смены К на Д (в антиалфавитной последовательности КСП → ДСП) ждать

ещё 20 лет.

Кому-то «целых 20», а для кого-то «всего-навсего 20». В зависимости от твоего местонахождения. Если скорость космолёта, которому твоя краткосрочная память помахала платочком из толпы провожающих на космодроме, равна скорости света, то ты свою разлуку с ней даже и заметить не успеешь. Но когда вместо тебя она где-то там шастает, как Экзюпери, с крейсерской скоростью 300 000 км/сек, то это уже другой коленкор, и обмен ролями между тобой и твоей КСП.

Мотаешь всю двадцатку в замедленном режиме, от звонка до звонка.

Насчёт запасных вариантов и «планов Б», особо не разгонишься, когда из дерьмовой, но понятной ситуации, где ухнул найух твой чётко разработанный «план А», тебя заносит в планетарий странных звёзд.

Экскурсовод в отгуле, друг другу нас некому представить, а я, как шлифону́тый джентл и безупречный мэ́н, не пристаю с расспросами к незнакомкам, куда сами не подмигнут. Они, и это очевидно, типа как бы мерцают, однако мне, не ознакомленному с уставом и уголовными статьями этикета в здешнем закапелке, не слишком-то охота смотреться быдлом в их глазах.

Тем более что цвет ночного небосвода тормознулся в оранжево-рыжем сегменте спектра. Возможно, что это сигнал «тпру!» по местной астрологии.

Короче, если вдруг заметишь, что ты уложен на обе ло-

патки (неважно что под ними: маты, татами, или синтетика обивки сиденья пассажира эконом-класса), самая верная политика – расслабиться и получать глубокое удовлетворение. Хотя бы из глубин ДСП, раз КСП опять ушла на гулядки, блад юга! (гражданка модератор! Это тут с английского «южная кровь», мамой клянусь!)...

Звездомерцание манило помедитировать о других титях, что зачастили подставляться по завершении процесса созревания, но уже без молока. Оно звало провести, лёжа на спине, аудит депозитов в ларце ДСП... Но только без рук. Тем более что сокровища там призрачно неосязаемы. Что в принципе жаль – такая классная подсветка пропадает.

Поглядывая на бессловесный, но щедрый на посулы калейдоскоп, я испытал желание поделиться впечатлением. Это и вызвало поворот головы влево, до упора ухом в искусственную кожу спинки.

Нет, Дядьев-Черноморский явно не из тех, кто даст уложить себя на лопатки. Он попросту слинял из позы побеждённого. Вместе с тем спинка его посадочного места отнюдь не пустовала. Неясное подобие канатной бухты, скрученной кольцами на высоту в полдюжины рядов вокруг тёмной, ими же сформированной дырищи в центре.

Канатный поп-арт чем-то смахивал на ведро давно сплотившейся группы любителей рыбной ловли на удочку.

[→»

Подобное ведро – вернейший признак спаянности рыба-

чьей группы, а также и намёк на непростую коллективную историю. Мифам, байкам и групповым легендам вообще нет ни конца ни края. Но если вы не братья Grimm из фольклорно-геологической разведки, то вам, конечно же, важнее практическая сторона вопроса – конкретика насчёт ведра.

Так вот оно применяется при варке ухи на всю их легендарную шоблу-воблу. Причём пластмассе или жести не выдержать ухаживаний подлизы их костра с его групповыми языками пламени.

Поэтому опытные рыболовы уху варят в казане: чугунный у матёрых, медный у начинающих недоумков, алюминиевый у полных долбоё...

Однако к рецепту!

Первым в наполненный водой казан закладывается мелюзга размером не больше среднего пальца, которым же она легко и потрошится. Как только мелочь разварилась в лоскуты, бульон отцеживают в групповое ведро (да, то самое) с последующим переливанием его обратно в сполоснутый казан: чугунный, медный или алюминиевый, в зависимости от статуса группы.

Именно в бульоне доваривается уха до кондиции, а его клейкость повышается закладкой кусков крупного улова. (Крепкое слипание – залог сплочённости чего угодно.)

Сваренного язя-сазана-окуня попросту выгребают (внимательные кулинары уже сумели догадаться куда и с помощью чего). Покинувшие казан ингредиенты из сазана и

КО возмещаются морковью, нарезанной кружочками, луком репчатым в виде полуколец и чёрным перцем горошком и солью по вкусу.

Последующие полчаса необходимо проследить, чтобы костёр-куннилизунчик не слишком-то впадал в экстаз под казаном, висящим над. Пусть варево кипит, но без выплесков и сцен экстаза...

И, наконец, наиважнейшая стадия процесса – заключительные 30 мин.: казан стынет в сторонке, уха упревает под крышкой. Приятного всем аппетита!

«-]

Мой мимолётно краткий взгляд отметил в стенках ведро-подобной бухты явную волосатость серого цвета. Что не позволяло отнести свернувшегося удава к подвиду Jungle Каа Kiplinganus, скорее это... Ха! Узнаю бороду Дядьева с Черноморским, хотя самих их тут и близко нет.

Тонкий ремешок из кожи обвил взлохмаченные кольца, фиксируя одно поверх другого, а всю брадобухту венчает пластмассовая ручка типа чемоданной, на том же ремешке.

Разоблачилась уловка факира-фукера! Этот жук, продёрнув бороду под свитером, унайтовывал её конец в походную связку, чтобы таскать при себе под видом ручной клади. Типа вот вам, пожалуйста, мой билет, а это просто кошёлка, сплетённая из куска б/у манильского каната. Ручная работа, кстати. На заметку готовым поддержать производителя из третьего мира.

Более того, борода-то съёмная! Ведь при досмотре на посадку кладь и пассажира просвечивают порознь. А уже в аэробусе сунул свою контрабанду под сиденье, и садится сверху как удод на яйца. Ох, и хитёр бобёр! И вообще очень странный тип, этот мидл-инглишный эксперто-дингволог.

Это дедуктивное открытие восторжествовало, и я непроизвольно прислушался, на всякий. Из волосатого гнезда доносилось равномерное тиканье. Звёзды над фюзеляже-колодцем распахнули свои ворсисто ресничные протуберанцы, что окаймляли клубки их разноцветных глаз. Рефлексы 0-Седьмого, отточенные бесконечными спецтренировками в спецподготовках к неисполнимым спецмиссиям, мгновенно подсказали: «Васёк, пора рвать когти найух!»

Сорвав стальную пряжку ремня безопасности, я метнулся вверх прыжками переполошенного шимпанзе. Без всяких лиан и лонжей, со спинки на спинку поперёк прохода, в мгновение ока выпулился на колодезную кромку поперечного распила гигантской трубы фюзеляжа.

О-ого! Так она тут не одна! Точно такая же плотно жалась к ней своим дюралюминием. Отчикнутая сечением, носовая часть воздушного лайнера отвесно уходила вниз бездонным колодцем, демонстрируя вид сзади на тесные ряды сидений для пассажиров, пустых и безмолвных.

Ситуация не оставляла досуга на детальное изучение перспективы ко дну сумрачной трубы. Нет даже времени глубже вдуматься в невероятное, свершённое всего лишь миг назад

открытие сверхкраткосрочной памяти (СКСП).

Эврика! У памяти три вида! Кто бы мог поду... Но нет... В моих ушах не умолкая звучит зловещее «тик-ток!». Рефлексы не дают разуму объять всю эпохальность открытия СКСП, а сама она, сверхкраткосрочная, неумолимо гонит дальше вниз по скользкой пластмассе подлокотников. Вот и бизнес-класс, где тоже ни одной лианы...

Через потолочный люк аварийного драпа пилотов, я вывесился на всю длину рук и разжал пальцы, переходя в свободное падение. Плоская поверхность, которую едва касался нос авиалайнера, выглядела довольно близкой.

Едва подошвы туфель вошли в контакт с поверхностью, натренированное тело безупречно завалилось на бок, а через миг вскочило отбежать, на всякий.

Нам с телом ни к чему ненужный риск – в кошёлке из волос манильского короткошерстого бобра точно тикало. Могу поклясться под присягой, мой абсолютный слух меня ещё ни разу не подвёл. Стопудово – тикало. До-бемоль второй октавы. Этот звук всё ещё свеж у меня в памяти.

А если сомневаешься в своей же СКСП, кому тогда вообще верить?

Bukov_05

Вечер стал уже ночью, но Буков не спешил уходить в спальню. Всё так же сидел на своём стуле, хотя давно стало ясно, что и сегодня ему не дожидаться.

В гостиной горел свет, отблескивая в тёмном до черноты стекле окна. Спинка стула намозолила тощие лопатки и бока, но Буков как-то притерпелся, не хотел вставанием разбередить и их, и боль других костей.

Отправляться на боковую его не слишком тянуло. Знал наперёд, что будет за чем. Втиснется в промежуток между одежным шкафом и тумбочкой, стащит джинсы, присев на неё освобождённым задом. Перевесит их через спинку стула. Добавит сверху жилет, связанный женой. Покроет всё это рубахой.

Пойдёт лечь на койку в углу возле двери, рядом с которой стул, а к нему прищепнута лампочка на гибкой шее, давно принесенная из дочкиной комнаты, типа ночника.

Из койки он минут пару будет наблюдать пляску люстры под потолком. Лампу в её шарообразно плетеном абажуре Буков не включал за чрезмерную яркость, и танец наблюдался в подсветке прищёлкнутого на стул ночника.

И он прекрасно понимал, что шар из лыка висит неподвижно, а выдрыги его кадрили не более, чем иллюзорная игра окончательно сдавшего зрения. Однако продолжал

смотреть, как шар без музыки накручивает коленца типа подвешенной юлы с прискоком.

А вот на пазл широких габаритов, в центре стены напротив, Буков старался не смотреть. Там громоздился древний замок в тёмно-коричневых тонах средневековья, и рамка вокруг пазла тоже вихлялась мелкой рябью под стать плясучей люстре. При этом башни, стены и бойницы угрюмого строения выкорчивали такие рожи Букову, что уж не к ночи будь помянуты. И вся та нежить так и рвалась вылезть из рябьщей рамы...

В большом доме места на всё хватало, он бы мог отнести пазл в другую комнату, однако Буков ничего тут не менял, а берёт силы для ожидания. Даже снять и развернуть замок рожами к стене потребует затраты силы – влезай на пустую супружескую кровать, удерживай тот пазл, спускай вдоль стены, да чтоб не грохнулся.

Произведение немалого размера, сын полгода собирал. Ещё до женитьбы и отъезда. И нечего потакать досужим суевериям из-за всякой всячины, что чудится изношенным глазам.

Поэтому, малость угревшись под одеялом, Буков тушил свет ночника и вся свистопляска тонула в темноте, а его ждала долгая ночь с пробуждениями, когда какой-то из костей что-то уж совсем не так...

Но это всё ещё было впереди, а покуда что он сидел в гостиной напротив стемневшего окна, когда раздался стук.

Тот был довольно резок. Всего один удар по двери в сад. Но в тишине пустого дома и одного хватило, чтобы Буков очнулся.

Он вышел в коридор и двинулся навстречу фигуре, что шевелилась по стеклу евродвери, держащей ночь снаружи.

Но даже подходя к нему поближе, отражение оставалось неясно размытым контуром.

Буков повернул дверную ручку книзу и больше не отпустил, а опирался, делая шаг в темень ночного сада. Тем временем левая рука искала на стене снаружи выключателем лампы над площадкой перед входом.

Но щёлкнуть он так и не успел. Чёрная шаровая молния взорвалась разом в каждом из яблок его глаз.

И Букова не стало.

Vasia_06

На некотором удалении спарка двух половин обескрыленного лайнера смахивала на тесное объятие двух силосных башен без крыш, которые с них ободрал торнадо, либо порыв не менее бурной страсти. Конечно, подробности я схватывал через плечо и мельком, стараясь отбежать подальше. Но уже тогда мне показалось странным: зачем башням эти вертикальные ряды иллюминаторов? Их иррациональный сюр вписывался как-то.

Да, я бежал не хуже негодного квирита, однако не стоит путать трусость и благоразумие. Особенно, когда ты без понятия о мощности заряда в тикающих яйцах.

И потому, почуяв под ногами твердь, я весь вложил в бросок на короткую, ушёл в отрыв, не дожидаясь, пока мне принесут жёлтую майку лидера...

Переводя дыхание в достаточном далеке, я вспомнил о былом назначении гигантского поп-арта, оставшего уже на пол км. Нельзя не согласиться, что, на бегу течение мыслей несколько скачкообразно, а некоторые даже выпадают, и им не сразу удаётся догнать мысленосителя.

Бежалось легко и даже приятно, в отсутствие груза подотставших мыслей, вот я и продолжал по небывало гладенькой равнине, простёршейся по самый горизонт. Над его линией возрастала россыпь уже привычно разноцветных звёзд. Рас-

сада густела, превращалась в гроздь, взбираясь от надира до зенита, а оттуда вниз, ко всем остальным надирам в кругу горизонта.

Когда бег, по собственному почину, сменился вяленькой трусцой, меня начали догонять мысли, оставленные позади моём резким стартом. Довольно разношерстая, бессвязная своей тематикой орава.

Первым, почти не запыхавшись, явилось оправдание отсутствию крыльев на силосных башнях. (Те понемногу тонули уже за горизонт.) Без них поп-арт куда оптимистичней, а прищандорь обратно – и вот тебе крест. Нет, не тебе лично, а взгляду со стороны.

И не Георгиевский или Железный. А получишь просто одну из белоствольно берёзовых крестовин в неисчислимых кладбищенских шеренгах на полях битв мировой бойни № два...

Следующая из догнавших мыслей заставила пожалеть о краткости общения с Петькой. Уж я б его порасспросил о моём послужном списке. Хотя бы в общих чертах... Пока мои собственные воспоминания не перейдут на хранение в ящик ДСП, где постоянно будут под рукой. А то ж ведь обо всём должен догадываться собственноручно, в поте персонального чела.

Вот, например, откуда у меня такие твёрдые познания в латинском языке? Хотя на дух не выношу ту мурятину с Гарри Горшечником и набором заклинаний на Latina Durka. А

тут вдруг взял и выдал назубок цитату из классификации животных по Линнею. Про anus того Kiplinga манильского.

Наверняка ведь посылали меня как спецagenta со спецмиссией в секретный спецуниверситет – похитить сверхсекретные файлы, или наоборот подбросить. Для дезинформации. Попробуй тут без Петьки разберись...

Ну, а наличие матерного слоя в стратификации моего вокабуляра тоже объяснимо. Две, не то три ходки в спецзону строгого спецрежима для спецagentов, несущих спецдисциплинарное наказание даром не проходят. Там вертухаи без слов на «х», «ё», «п» тебя вовсе не поймут. Без них у них знаковая система не заводится...

Когда башни скрылись без следа за горизонтом, я заозирался на ходу, выискивая ориентиры направления. Но не тут-то было! Напрасно взгляд бродил по кругу: ни холмика, ни деревца, ни другой мало-мальской вехи.

Безупречно гладкая поверхность тянулась повсеместно, и страшно становилось за свой взгляд, чтобы не поскользнулся посреди стерильной, лишённой наималейшего сучка-задоринки визуальности. Если случайно разлетится вдрызг, чем ты свой взгляд заменишь?

Однако меня и это не остановило, я взял курс на полосу занимавшегося рассвета.

Непрестанная ходьба сменилась усталостью. Пришлось опуститься наземь в надежде отдохнуть.

Впрочем, землёй тут и не пахло: ни былинки, ни дырочки

от червячка. Гладь, по которой ноги с редкостным комфортом верстали путь, на ощупь тоже оказалась гладью. Я водил ладонью по остекленелости тропического штиля с бутылочно-зеленоватым отливом в глубине. Не то чтоб камешка, – пылинки не нашаришь...

А попадись мне камень, я б его первым запустил во всякого, кто заявит будто отдых, когда не на что преклонить головы, – тоже отдых. Лишь через силу мне удалось вздремнуть...

Долго ли коротко длился мой тревожный сон, однако грядущий рассвет не стал за этот промежуток ни на йоту ближе. А ведь как специально натасканный агент, я дал приказ биологическому будильнику внутри моего организма, чтоб разбудил меня ровно через час, и ни минутой раньше. Засыпал – полоска, просыпаюсь – полоска, а будильник божится маткой боской, будто уже целый час прошёл. Кому верить, пся крев?!

По рецепту древней поговорки, я взял инициативу на себя, и двинулся заре навстречу.

Глаз, приноровился к скудости предрассветных сумерек и отметил странность окружающей равнины: любой из её горизонтов отнюдь не отличался прямизной, но слегка пуклился дугою. Любой и каждый!

Но я упорно продолжал свой путь, гадая в ритме марша: что за дела тут вообще?

В таких условиях трудно не почувствовать себя муравьём

на самой маковке воздушного шара. А нас, муравьёв, никак не балуют ассортиментом выбора. Единственным намёком на верность направления оставался затяжной рассвет, подсвечивая полог ворсистых звёзд, среди которых, – хоть ты лопни! – ни одной Полярной.

Я шёл и шёл, и шёл, и шёл, и шёл, и шёл, и шёл, и шёл... Заря всё разрасталась, но слишком уж неспешно. Какая-то ленивая заря, подумалось мне на ходу. И тут же моментально – озарило! Ведь это не заря встаёт из-за кривого горизонта, а сам я ухожу в неё, за горизонт!

Довольно непривычное открытие поставило передо мной дилемму, а меня перед ней: валяться в полумраке на стекле с маняще бутылочным мерцанием в глубинах либо, невзирая на усталость, идти и идти туда, где светло и – могу поспорить! – чисто. Ведь во всём этом натюрморте, безмолвно странном и стерильном, даже трудяга муравьишке не сыщется соринки, чтоб споткнуться.

И как-то мало верится, что лепила-доктор, тоже, кстати, муравей, выпишет больничный лист и даст ему таблетку кодеина. А если сопоставить массу муравья с лекарством, а затем вообразить таблетку такого же пропорционального соотношения с массой среднестатистического спецагента, то я бы тогда...

Тут мне пришлось хватать уздцы покрепче на своих мыслях-скакунах, рвущихся с радостным ржанием в галоп, топтать зелёную гладь...

Мать честная! Неужто ни одной живой души на всю окрестную стерильность? Неужто я один как перст, если смахнуть со счетов неясные фантазмы из жизни насекомых?

Страшно или нет – вопрос не по адресу. Бояться мне просто не положено, я – легенда, 0-Седьмой, неофициальный позывной «Бес-Башенный». И это хорошо известно Центру, который ценит меня на вес висмута, хоть и впалял 4 ходки. Фактически ни за что, а так, за всё хорошее.

Ведь именно меня шлют, где аврал и полный невпротык. Бросают на амбразуры. Спускают в кратеры вулканов на верёвке с истёкшим сроком годности.

А с миссии, ясное дело, возвращаешься сплошным комком нервов типа в гробу я всех вас... Ну и плеснёшь в неадаптированном к мирной жизни состоянии стакан водяры в какую-нибудь харю. А у хари на погонах звёзды – во! – как три фиги вместе. Потом, конечно, закрытый суд, и – на спецотдых.

У каждой ходки конец один – досрочная амнистия. Им хорошо известно – где Васёк, там победа и выполнение задачи на 122 % с половиной. Сколько взломанных сейфов, взорванных шейхов, спасений мира, угонов сверхсекретной техники! Все миры, с первого по третий, испещрены автографом известным всем и каждому: «здесь был Вася!» Рука моя тверда, страх беспощаден, месть священна, а риск во имя родины сладок по умолчанию.

Только вот памяти у меня пошаливают. В аэропорту ДСП

отказала. Спасибо Петька напомнил, кто я есть, с тем и вылетел на задание, но до сих пор не вспомнил в чём оно. Теперь вот СКП забарахлила – точно помню, что летел, но куда крылья делись? И как тут очутился тоже не помню хоть убей. Однако чувствую, интуитивно, – здесь вообще хЗ, что за херня творится.

Так что, не то чтоб страшно, но слегка не по себе.

А тут ещё туфля жмёт. Правая. Ногу натирает. А сколько топать до перехода рассвета в день – неизвестно...

Ладно, пошагаю дальше, со мной моя всегдашняя опора: сплав интуиции с импровизацией...

Рассвет крепчал. Звёзды бледнели и потихоньку таяли по мере моего спецсуворовского перехода. Пришлось разуться и идти в одних носках. Отчасти приятно даже по глади, которая фигуристам Олимпийских игр даже не снилась. Но при этом ноги ни капли не мёрзнут, а на льду, хоть и искусственном, им шибко комфортно было бы.

Во всяком случае теперь рукам тоже нашлось дело, несут мои туфли, пока на правую не охромел. Нет чтобы раньше догадаться.

Наступало утро лимонного цвета. Но солнце явно шланговало, отлынивало от обязанности влезать на небосвод. Он оставался пустым и безоблачным.

Lady_01

Ах, если бы не её стремление быть совершенно безупречной! Это её желание подстраховаться на 100 %. Чтоб даже самые злые языки не нашли, чем уколоть. А у него чтобы и в самых дальних мыслях не было, будто у неё, хотя и не на самом деле, но типа как бы было с кем-то ещё. Кроме него.

И когда врачи по всем таким проблемам сделали анализы, какие нужно, и объяснили им, что её бесплодие не из-за неё, а вся причина в слишком вялых сперматозоидах супруга, она отказалась пойти на искусственное осеменение. Да, врачи там предлагали им даже и такое.

Она долго думала, и так и так: ну, а если и... почему бы нет... другие вон женщины... даже, например, одна знакомая...

Однако вся её порядочность буквально восставала при мысли, что таким шагом она как бы отдастся другому мужчине, и тот войдёт в неё, пусть хоть и такой незначительной частичкой от него. А муж, сейчас вроде согласный с доктором, вдруг подумает потом... Ему, наверное, станет неприятно...

Разве такое не считается супружеской изменой? Пусть даже и неполной...

...

Их дети, оба ребёнка, были взяты из роддома, уже готовы-

ми, но совершенно крохотульками, когда им было всего по несколько часов. То есть она пару дней приходила к ним, уже как мама, а потом их привезли домой. Медсестра из роддома показала ей, что и как делается.

Сначала взяли девочку, а после неё мальчика, тот родился через два месяца после сестрички. Из роддома так внезапно всегда звонили. Про мальчика она даже задумалась, но потом они с мужем согласились. Ведь одному ребёнку в семье может быть и скучно, наверное. Пришлось даже прикупить коляску для близнецов, несмотря на разницу их возраста. Правда, мальчик перерос сестричку, но это уже намного позже...

Дети росли ни в чём не нуждаясь ни дома, в четырёхкомнатной квартире, ни в асфальтированном дворе их пятиэтажки, где у мужа был гараж. Вернее даже два, но второй без машины, а для всякого разного. В любом случае она сделала всё, от неё зависящее, чтоб они чувствовали себя счастливыми. Может быть, даже счастливее, чем у большинства матерей, перенёсших обычную рутину, все те 9 месяцев, когда тошнит, фигура портится, потом ещё схватки и всё такое.

[—»

Конечно же, у каждого ребёнка своё понимание счастья, но нечего тут разворачивать психологическую сагу от Нетфликса длиной с полдюжины сезонов, минимально. Просто берёшь синий надувной мяч с рисунком континентов, жёлто-коричневые на синем, пинаешь в загородку детской пло-

щадки во дворе, тоже заасфальтированную.

Догоняй, карапузы! И чувствуйте, какие вы счастливые, а то никакого вам мороженого, пока не осознаете до полной глубины...

«—]

Она верила в правильную симметричность, как основание в устройстве этого мира. По крайней мере, в лучшей его части. И эта вера помогала ей наотрез не верить сплетням, даже пересказанным её родными сёстрами, с чужих слов, будто он обманывает её с другой, хотя у них двое детей школьников

— Это невозможно, — повторяла она сёстрам, качая головой в безукоризненно правильной стрижке, а тонкая бровь (правая) сама собой асимметрично вздёргивалась, шокированная неприличием грубых вымыслов. И до чего только людям делать нечего! А у неё ведь даже и в мыслях ничего такого... Все эти наговоры такая низость...

Но их собралось чересчур много, улики и доказательства тому, насколько глубоко она ошиблась, доверившись основам симметричности и положившись на абсолютно верную взаимность в ответ на твоё безупречное исполнение супружеского долга. Она всегда была верна ему и хорошо готовила. Но это уже не имеет смысла.

Всё это ничего не значит теперь, когда с закрытыми глазами лежит он на столе в гробу, ставшем центром гостиной их 4-х-комнатной квартиры. А возле сдвинутых оконных штор

их сын, молча, хмурит свои широкие брови, и дочь их плачет на плече своего мужа. Такие правильно порядочные получились дети.

Мерзавец! Тварь ты подлая!

Конечно, это сказано не вслух. Но как же всё-таки нечестно... До чего гадко была она обманута. И это всё так унижительно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.